

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 31.

7 АВГУСТА 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базупова. Желашіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всѣми приложеніями.

Къ № 31-му прилагается: „Seconde romance italienne“
ор. 261, соч. Майера.

Содержаніе: Отъ издателя. — Вѣсти отъсюду. — «Отъ нечего дѣлать», поговорка водевилъ въ 1 д. (окончаніе). — Глюкъ и Пиччини и ихъ приверженцы. — Объявленіе.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе журнала Т. и М. Вѣстникъ, въ теченіи пяти лѣтъ убѣдило, что при недостаточномъ развитіи въ Россіи театральной и музыкальной дѣятельности, журналъ, посвященный спеціально музыкѣ и театру, не составляетъ большой потребности публики, такъ что большая часть подписчиковъ изъявляли желаніе, чтобы въ журналѣ этомъ были, между прочимъ, политическій и литературный отдѣлы, чего редакція, по программѣ журнала, исполнить не имѣетъ возможности. Вслѣдствіе сего издатель, желая удовлетворить потребности большаго числа подписчиковъ, и имѣя притомъ намѣреніе измѣнить программу Т. и М. Вѣстника съ цѣлью сдѣлать изъ него органъ однихъ лишь здѣшнихъ театровъ, и приспособить къ потребности исключительно жителей столицы, составляющихъ теперь меньшинство общаго числа подписчиковъ на Т. и М. Вѣстникъ, предпочелъ, приостановивъ съ 1-го будущаго сентября, изданіе означеннаго журнала, издавать, съ сего времени, музыкальныя приложенія при журналѣ «Русскій Міръ», съ редакціей котораго сдѣлано по этому предмету надлежащее соглашеніе.

Въ журналѣ «Русскій Міръ» между прочимъ, будетъ особый театральный и музыкальный отдѣлъ, состоящій изъ критическихъ статей о театрѣ и музыкѣ и постоянныхъ хро-

никъ о театральной и музыкальной дѣятельности, какъ въ Россіи, такъ и заграничѣй. Журналъ этотъ, выходя два раза въ недѣлю, можетъ доставлять всѣ эти извѣстія, съ удвоенной поспѣшностью противъ еженедѣльнаго журнала, и вообще, по обширности и разнообразію своей программы, доставитъ подписчикамъ самыя разнообразныя матеріалы для чтенія и въ большемъ количествѣ, нежели возможно было въ журналѣ спеціальномъ и притомъ ограниченнаго объема, въ какомъ издаваемъ былъ «Т. и М. Вѣстникъ».

Издатель, О. Стелловскій надѣется, что, замѣняя спеціальнѣйшій журналъ другимъ журналомъ, выходящимъ два раза въ недѣлю, въ большемъ объемѣ и по обширной программѣ, допускающей полную возможность разнообразія въ матеріалахъ для чтенія, — музыкальныя изданія при этомъ журналѣ увеличатъ сочувствіе къ нимъ публики, тѣмъ болѣе, что цѣна за нихъ остается прежняя, не смотря на значительное улучшеніе въ выборѣ и увеличеніе объема приложеній, въ чемъ гг. подписчики удостовѣрятся на самомъ дѣлѣ.

Подробное объявленіе объ изданіи журнала «Русскій Міръ» и объ условіяхъ подписки прилагается при семъ №.

ВѢСТИ ОТЪСЮДУ.

Пьеса г. Понсара «Ce qui plaît aux femmes» прошла четыре раза, послѣ чего совсѣмъ исчезла съ афиши. Въ первое представленіе ей много аплодировали во второмъ актѣ, въ политическихъ мѣстахъ, но въ третьемъ актѣ, въ публикѣ замѣтна была нерыпительность и неловкость положенія, именно при той сценѣ, въ которой дама большаго свѣта, съ благодѣлительною цѣлю, посѣщаетъ бѣдную дѣвушку-швейку. Въ послѣдующія-же представленія, всѣ эти мѣста были прямо оши-каны и освистаны, такъ что министръ, присутствовавшій лично на послѣднемъ представленіи пьесы, запретилъ ее на другой-же день.

Говорятъ, будто пьеса эта пойдетъ позже; г. Понсаръ рѣшился сдѣлать въ ней измѣненія и значительно обкромить ее.

Сюжетъ этой драмы, написанной и прозой и стихами, съ куплетами, цѣпими и волшебнымъ балетомъ, слѣдующій: дама большого свѣта, графиня, молодая богатая вдова скучаетъ. Сидя въ роскошномъ будуарѣ, окруженная толпою поклонниковъ, она недовольна собою, недовольна жизнью, ищетъ и проситъ развлечения, которое-бы заставило ее хоть на минуту избавиться отъ скуки, но не находитъ его ни въ чемъ. У графини есть кузень, который также состоитъ въ числѣ ея поклонниковъ и къ которому она хорошо расположена. Кузень этотъ даетъ молодой вдовѣ благой совѣтъ выйти вторично за мужъ, самъ же онъ влюбленный въ красоту ея, но не имѣя точнаго понятія о достоинствахъ ея сердца, не рѣшается дѣлать ей прямого предложенія, а составляетъ въ головѣ своей тайный планъ испытанія, по которому предлагаетъ кузинѣ наложить на каждаго изъ своихъ обожателей обязанность веселить ее въ теченіе одного дня. Мысль принята графиней и немедленно приведена въ исполненіе. Начинается цѣлый рядъ различныхъ развлеченій, придуманныхъ и устроиваемыхъ поочередно многочисленными обожателями молодой вдовы. Въ программѣ этихъ праздниковъ, послѣдній день опыта развлечения принадлежитъ кузену; того требуетъ его тайный планъ. На сценѣ, представленны лишь два опыта, театральное представленіе и волшебный балетъ, устроенные г. д'Артасъ въ его загородномъ замкѣ и потомъ благотворительное посѣщеніе кузеномъ Гонтаръ и графиней одного бѣднаго чердака, на которомъ живетъ цѣломудренная молодая труженица, окруженная всѣми кознями и соблазнами разврата и роскоши, являющихся къ ней въ видѣ старой отвратительной торговли старыхъ платьевъ и вмѣстѣ молодыхъ свѣжихъ дѣвушекъ, и одного богатаго ловеласа, сорящаго деньгами и добивающагося благосклоннаго приѣма отъ молодой швейки. Въ самую трудную минуту борьбы между честью и нищетою, являются на чердакъ г. Гонтаръ и графиня. Гонтаръ, понятию, торжествуетъ, его планъ удался какъ нельзя лучше, скучающая графиня впервые вкусила радость и довольство собою, она больше не скучаетъ, — награда кузена, — свадьба.

Все это хорошо высказано, хорошо сыграна прекрасная задумана, но лишь недостаетъ того такта, который такъ необходимъ всѣмъ людямъ, а въ особенности драматическимъ поэтамъ.

Журналы уже говорили о драмѣ, которая будто-бы задумана гг. Викторомъ Сежуръ и Моккаръ, известными авторами «La Tireuse des Cartes», этой удачной пяти-актной пьесой, принесшей около пяти сотъ тысячъ франковъ театру С. Мартенскихъ воротъ. Новая драма, готовившаяся къ зимѣ, будетъ написана по поводу сирийскихъ событій, и въ ней говорятъ будетъ необыкновенно живо, по сходству, произведена личность Абд-ель-Кадера.

Говорятъ, что между артистами, ангажированными г. Сабуровымъ, для Итальянской петербургской Оперы, находится молодая итальянская пѣвица m-lle Osée Letramanti, талантъ и голосъ которой, говорятъ, весьма замѣчательны. Этотъ ангажементъ будто-бы совершенъ подѣ знаменитымъ покровительствомъ России. Въ такомъ случаѣ и не можетъ быть сомнѣнія въ успѣхахъ новой примадонны.

ОТЪ НЕЧЕГО ДѢЛАТЬ.

Поговорка-водевиль въ одномъ дѣйствіи,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(Окончаніе.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Милоръцкой и Краснолицовою на твоей сторонѣ.

Милоръц. Какъ эта фраза заинтересовала мою сосѣдку; отъ печего дѣлать! а это просто поговорка, ничего не значить. Собираюсь я ѣхать въ маскарадъ, въ собраніе, но кажется ужъ не поѣду, маскарадъ въ комнатѣ прелестной незнакомки, гораздо интереснѣе. Да и могъ-ли-бы я въ публичномъ маскарадѣ слышать прелести этого голоса, какой у меня подъ бокомъ.

Краснолиц. Что вамъ угодно приказать? только для васъ, сударь, я оставилъ моихъ гостей, у меня внизу идетъ такое широкое, что дымъ коромысломъ. Я ужъ вамъ сказалъ, что справляю свадебный пиръ моей дочери, если-бы вы посмотрѣли мою новобрачную, мою милую Людмилу, что это за прелесть въ нарядѣ! Ну вотъ точно павлинь! Такой на ней злодѣйской кринолинъ, что надобно бокомъ пролезать въ двери.

Милоръц. Радуюсь, любезный Краснолицовъ, твоей радости; но вотъ о чемъ хотѣлъ я тебя просить; пожалуйста войди ты въ комнату этой дамы.

Краснолиц. *(не слушая)*. Но не полагайте, чтобы одинъ только кринолинъ составлялъ существенную прелесть моей милы, безподобной Людмилы? нѣтъ, сударь, она выросла въ модномъ магазинѣ, у французенки, тамъ есть чему научиться. Сейчас начнется у насъ кадрили съ присѣданьемъ, гостей набѣхало вдоволь. Вы вѣрно не поскучаете тѣмъ, что музыка будетъ у васъ здѣсь слышна.

Милоръц. Все это прекрасно, но послушай, я тебя звалъ затѣмъ, чтобы ты послалъ сейчасъ въ лучшую оранжерею за цвѣтами, велѣлъ побольше принести въ комнату моей сосѣдки, слышишь-ли, живыхъ разныхъ цвѣтовъ, да прикажи подать лампы или канделябры, не забудь-же какъ можно больше свѣта и потомъ подать туда чай.

Краснолиц. Все будетъ исполнено по вашему желанію *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Милоръц. *(одна)*. Ну, первый приступъ сдѣланъ, съ этимъ вмѣстѣ надобно переѣхать мой костюмъ. Въ публичный маскарадъ я-бы могъ ѣхать какъ есть, въ черномъ галстукѣ, а въ представительный маскарадъ, радеву, надобно, что называется лекомъ иль фо, и контенантъ! Тутъ надѣвай и бѣлый галстукъ и бѣлыя перчатки. Начнемъ-же съ головы *(Стаивитъ передъ зеркаломъ, поправляетъ гребнемъ волосы, навязываетъ бѣлый галстукъ, потомъ, надеваетъ жилетъ и черный фракъ)*. По чести, этотъ визитъ меня восхищаетъ, кажется мнѣ, какъ будто-бы интересная незнакомка ко мнѣ не равнодушна... Ахъ! Такъ ужъ давно мое сердце свободно отъ постола, что пора занять его постоянной.

ЯВЛЕНИЕ VI.

(На лѣвой сторонѣ Милоръцкой, на правой Краснолицовою, приноситъ съ собой зажженные канделябры и большія вазы съ цвѣтами).

Краснолиц. Вотъ такъ, канделябры на каминъ, цвѣты сюда,

на столъ: но этого еще мало, больше свѣта, приказывалъ онъ, такъ принеси сюда еще двѣ карсельныя лампы. (*слухъ*) Ступай и скажи моимъ молодымъ, что я сейчасъ буду. (*Слуга уходитъ; Вереницына входитъ въ другую дверь съ маскою въ рукахъ, на ней надѣта длинная мантилья, которая закрываетъ ея талию*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Съ твоей стороны Милорычій, съ правой Вереницына и Краснощепцовъ.

Вереницына. О, какая блестящая иллюминація и цвѣты! браво; какая роскошная гостинница! Прекрасно! Этимъ я тебѣ обязана, любезный другъ, очень тебѣ благодарна и твоему хозяину.

Краснощ. Я передамъ это въ точности, это ее очень обрадуетъ... особенно для такого дня, вы сами можете судить.

Вереницына. Да о комъ ты говоришь?

Краснощ. Какъ о комъ? разумеется о моей дочери, о моей дочери, о моей милой Людмилѣ; ахъ, еслибъ вы видѣли какъ она полькируетъ... ну прелесть да и только. Да и ваша фрейлина, въ часть-бы сказать, неутомимая попрыгунка, такъ и носится въ кадрилѣ, одна головка вверху, вся ушла въ кринолинъ.

Милорыч. (*въ своей комнатѣ*). Вотъ и я готовъ.

Вереницына (*Краснощепцову*). Ну ступай теперь. Скажи господину, котораго ты встрѣтишь въ корридорѣ, что онъ можетъ сюда войти (*садится и надѣваетъ маску*).

Краснощ. Что это сударыня? Вы надѣли маску?... развѣ вы собрались въ маскарадъ.

Вереницына (*блѣлая знакъ рукою*). Это мое дѣло; уходи, ступай-же, говорю тебѣ.

Краснощ. (*идетъ и олядьивается*). Подлинно, странная натура женщины, ни съ того, ни съ сего вздумала надѣть маску и гостей въ ней принимаетъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Вереницына и Милорычій.

Вереницына. Начнемъ теперь забавную сцену маскировки.

Милорыч. (*со шляпой въ рукахъ*). Какъ вы добры и любезны, сударыня, извините имени и отчества вашего не знаю, позволивъ мнѣ, человѣку, вовсе вамъ незнакомому, прійти, къ вамъ. Не знаю какъ васъ благодарить (*подаетъ ей свой фотографическій портретъ*).

Вереницына. Это что за портретъ?

Милорыч. Моя визитная карта, по нынѣшней модѣ.

Вереницына. По модѣ? во весь ростъ.

Милорыч. Какъ вы видите, съ руками и ногами; отъ нечего дѣлать, можно и въ карманъ положить.

Вереницына (*разсматривая карту*). Отъ нечего дѣлать! Право! Какъ это мило! А знаете, портретъ вашъ, какъ вдругъ взглянуть — очень похожъ, но нисколько не прикрашенъ, въ подлинникъ вы гораздо лучше.

Милорыч. Право? Этого я не полагалъ.

Вереницына. Во первыхъ, у васъ взглядъ гораздо выразительнѣе, носъ тутъ большой, а у васъ онъ вовсе невеликъ, глаза здѣсь на портретѣ, поделѣноватые.

Милорыч. Это вамъ такъ кажется, потому что вы въ маскѣ, вамъ нельзя хорошо разсмотрѣть мелкія черты фотографіи. Извините, если спрошу васъ, ваше имя и отчество.

Вереницына. Мое имя? да на что вамъ знать?

Милорыч. Вотъ хорошо, на что? да неужели и на имя должно надѣвать маску?

Вереницына. Александра Васильевна; ну кажется этого съ васъ довольно. А васъ какъ прикажете звать?

Милорыч. (*восторженно*). Надобно изобрѣсть себѣ фамилію, благо она меня не знаетъ. (*Ей запинаясь*) Павелъ Яковлевичъ Смѣкаловъ! Не лучше-ли вамъ будетъ, Александра Васильевна, снять маску, мнѣ право кажется, что вамъ въ ней тяжело, душно; безъ маски, вамъ говорить будетъ легче; къ тому-же, надобно замѣтить, что если между дамой и кавалеромъ появится что-нибудь такое ихъ раздѣляющее, какъ напримѣръ, какія-нибудь ширмы или маска, то сейчасъ дама и кавалеръ заговорятъ о любви.

КУПЛЕТЪ.

Вереницына. Любовь! Нѣтъ, будьте осторожны,

Прошу объ ней ни слова мнѣ.

Милорыч. Я нынче счастливъ, сколько можно,

И вижу все какъ-бы во снѣ;

Благодарю за ваши ласки,

Но укрываться вамъ къ чему?

Вереницына. Нѣтъ какъ хотите, этой маски

Никакъ для васъ я не сниму.

Да и къ чему-бы это повело? Вы меня никогда не видали, слѣдственно не знаете. Подъ маской такъ и сякъ, мы симпатизируемъ другъ другу, а сними я маску, ваше очарованіе можетъ быть исчезнуть.

Милорыч. Ужъ это оставьте мнѣ судить. Вотъ вы разсматривали мою карту, и нашли, что носъ вышелъ въ фотографіи великъ, глаза подслѣповатые. Это отъ того, что я былъ смущенъ, когда снимали съ меня портретъ, а быть не въ духѣ — въ это время, Александра Васильевна, просто бѣда: духомъ и ротъ скривится и носъ вытянется.

Вереницына. Вы правы! Великое было-бы благополучіе, еслибъ мы могли остаться всю жизнь молоды, свѣтлы какъ солнце и милы, игривы, какъ дѣти, еслибъ могли мы постоянно наслаждаться счастьемъ, но къ сожалѣнію это невозможно и малѣйшее горе старѣетъ насъ десятью годами.

Милорыч. И малѣйшая неудача въ жизни или горе, стягиваетъ намъ глаза или увеличиваетъ носъ до большаго размѣра.

Вереницына (*смѣется*). Понимаю, вы не хотите остаться съ большимъ носомъ.

Милорыч. (*улыбаясь*). Какія вы мастерицы говорить каламбуры.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Вереницына, Милорычій и Краснощепцовъ приносятъ чай.

Краснощ. Чай по вашему приказанію (*ставитъ подносъ съ приборомъ на столѣ*).

Милорыч. Насилу ты надумался.

Краснощ. Ужъ извините, пожалуйста, вся услуга занята у меня внизу, такой выдался денекъ, что все въ суетѣ — ногъ подъ собой не чувствую, да вѣдь разъ въ жизни случается такая оказія, надобно вамъ сказать, я самъ соблазнился, глядя на молодежь, вижу всѣ танцуютъ, вотъ и я пустился, отхватать французскую кадрилъ, съ кумой аптекаршей, явился къ вамъ съ чаемъ.

Вереницына. Но, продолжите нашъ разговоръ.

Краснощ. (*Милорычскому*). Какъ прикажете, каретъ дожидаться здѣсь? Вы располагались ѣхать въ маскарадъ.

Милорыч. Карета мнѣ не нужна, я и такъ въ самомъ пріятномъ маскарадѣ. Можешь идти.

Краснон. *(уходя олядывается)*. Иду; что это у них за ма-
скарадъ? будто святки справляютъ.

ЯВЛЕНИЕ X.

Вереницына и Милоръцкій.

Милоръц. Давеча, когда вы разговаривали со мной черезъ
перегородку, вы желали, Александра Васильевна, чтобы я обя-
знилъ вамъ фразу: отъ нечего дѣлать, что она значить?

Вереницына. Точно такъ, но сядемте мы, отъ нечего дѣ-
лать, за чай *(сидятъ къ столу)*.

Милоръц. Вотъ видите, какъ эта поговорка легко подверты-
вается въ разговорѣ. Въ первой моей молодости, когда я на-
ходился еще въ пансіонѣ, признаюсь вамъ, я былъ очень лѣ-
нивъ, просто, ученіе мнѣ на умъ не шло, проводилъ я время
въ забавахъ, занимался просто пустяками, товарищи смѣялись
надо мной; бывало, возьму какой-нибудь романъ, цыгарку въ
зубы и лежу себѣ на постелѣ, меня спрашиваютъ: вѣрно ты
нездоровъ? я отвѣчаю, очень здоровъ, а лежу—отъ нечего дѣ-
лать; вотъ и дали мнѣ по этому, это любезное прозваніе.

Вереницына. Странно! но господинъ отъ нечего дѣлать, вы
имѣете даръ быть любезнымъ *(наливаетъ чашку чаю)*. Не при-
кажете-ли? а любезность въ мужчинѣ большое достоинство.

Милоръц. Много чести, сударыня *(слышны звуки вальса въ
отдаленіи)*. Мы на балѣ Александра Васильевна, слышите-ли!
да здравствуетъ балъ! да здравствуютъ брилліантовые глазки,
подъ темными масками и нектаръ — душистый чай, разлитой
бѣлораморными ручьями *(слышны звуки вальса)*.

Вереницына. Слышите, оркестръ играетъ премилый вальсъ.

Милоръц. Вальсъ этотъ мнѣ очень знакомъ, онъ напомнилъ
мнѣ много отраднхъ минутъ... Вы любите вальсировать, Але-
ксандра Васильевна *(подавая ей руку)*. Не прикажете-ли?

Вереницына. Какъ вамъ вздумалось вальсировать въ такой
тѣсной, маленькой комнатѣ?

Милоръц. А что-жъ такое? Въ тѣснотѣ люди живутъ, по-
чему-же имъ и не вальсировать въ тѣснотѣ? Сейчас мы да-
димъ и просторъ вальсу *(отодвигаетъ столъ и стулья)*. Вотъ
такъ. Можно и увеличить нѣсколько нашу танцевальную залу;
*(отворяетъ дверь въ перегородку, оркестръ какъ-бы въдалі, иг-
раетъ вальсъ, Милоръцкій и Александра Васильевна, вальси-
руя, переходятъ изъ одной комнаты въ другую, останавливаютъ
ся послѣ двухъ туровъ и поютъ въмѣстѣ 1-й куплетъ въ ком-
наты съ правой стороны, а 2-й въ комнаты на лѣвой сто-
роны. Къ концу вальса они переходятъ въ комнату съ правой
стороны; дверь въ перегородку, соединяющая два покоя, остае-
тся открытою)*.

ВАЛЬСЪ.

1-й куплетъ. Вереницына и Милоръцкій въмѣстѣ.

О милый вальсъ! ты путь къ одушевленью,
На крыльяхъ радости несешь ты насъ,
Приводишь всѣхъ въ восторгъ и оживленье
Ты милый, рѣзвый вальсъ, веселья часть.

2-й куплетъ. Вереницына.

Придетъ зима, и балъ у насъ въ столицѣ,
Сзоветъ гостей, пирующихъ друзей,
И просвѣтлѣются тотчасъ всѣ лица
Какъ зазвучишь ты, вальсъ, живѣй, живѣй!

3-й куплетъ. Милоръцкій.

И залъ, сіяющій всегда огнями,
Все наше общество къ себѣ манить,
И въ немъ танцуемъ мы, о прелесть, съ вами,
Чей милый взоръ, какъ брилліантъ горитъ!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Вереницына и Милоръцкій.

Милоръц. Для чего вы себя затрудняете этой маской? Вы
задыхаетесь подъ ней, ничего не можетъ быть несноснѣе ма-
ски!

Вереницына. Вы правы, мнѣ въ ней душно; я сниму ма-
ску, но только съ тѣмъ условіемъ, что вы не будете на меня
смотрѣть. Вы вотъ сядите здѣсь, не оборачивая головы и мы
окончимъ благополучно нашу бесѣду.

Милоръц. Какъ! я долженъ сидѣть не оглядываясь?

Вереницына. Да, выбирайте любое, или сидѣть и не огля-
дываться, или же я останусь въ маскѣ, и попрошу васъ уйти
къ себѣ въ комнату.

Милоръц. Странное положеніе, *(беретъ стулъ и садится
напередѣ)*. Послушайте, Александра Васильевна, да это тоже,
что играть въ жмурки.

Вереницына *(снимаетъ по временамъ маску, когда Мило-
ръцкій не глядитъ на нее)*. Помните нашъ уговоръ. Куда-же
вы теперь ѣдите? — въ Висбаденъ искать карточной фортуны,
или въ Смоленскъ, къ вашей матушкѣ.

Милоръц. Куда? — ахъ! я самъ не знаю. Быть можетъ,
что я останусь въ Петербургѣ *(оборачиваясь къ ней лицомъ)*. Да
вы сняли вашу маску.

Вереницына. Не оборачивайтесь, говорю вамъ *(слышенъ
опять прежній вальсъ)*. Слышите опять тотъ-же милый вальсъ;
не напоминаетъ-ли онъ вамъ чего-нибудь.

Милоръц. Напоминаетъ мое блаженство.

Вереницына. А, кстати, хотѣла я васъ спросить: правильно-
ли вы назвали мнѣ давеча вашу фамилію, что-то вы сказали,
Смѣкаловъ, запинаясь.

Милоръц. Фамилія эта, тоже моя маска, если вы хотите,
чтобъ я сказалъ вамъ мое настоящее имя, то вы снимите на-
передъ маску.

Вереницына. О, господинъ отъ нечего дѣлать, какъ вы
любопытны *(въ замѣшательствѣ, всторону)*. Что ему сказать!
Онъ право, очень интересенъ. *(Ему)* Знаете что? Хотя гру-
стно, но мы должны разстаться, и можетъ быть навсегда. Я
ужъ имѣю воспоминаніе объ васъ, вашъ портретъ, постоите
гдѣ эта карточка. А вотъ она *(беретъ со стола карту)*. Да я
сохраню ее на память. Надобно, чтобъ и вы имѣли отъ меня,
что-нибудь, мнѣ совѣстно остаться у васъ въ долгу *(снимаетъ
перчатку съ руки. Милоръцкій стремительно подходитъ къ
ней, схватываетъ съ перчаткой руку Вереницыной и цѣлуетъ
ее)*.

Милоръц. О! какое счастье! *(на колѣняхъ)* Умоляю васъ!
Позвольте мнѣ взглянуть на себя, хоть только разъ. Эта ужа-
сная и досадная маска! Она неподвижна. Боже мой! Когда вы
ее снимете? *(держитъ ее за руку и цѣлуетъ многократно)*

Вереницына. Ахъ! пустите, пустите, или я...

Милоръц. Или что? Ну, договаривайте.

Вереницына. Скажите-же мнѣ ваше настоящее имя.

Милоръц. Позвольте мнѣ васъ видѣть.

Вереницына. Нѣтъ, нѣтъ, никакъ не могу. Я васъ убѣди-
тельно прошу, будьте такъ вѣжливы, сударь, уйдите въ вашу
комнату. Да послушайте-же наконецъ.

Милоръц. *(уходя, опять возвращается)*. Вѣдь не на долго,
Александра Васильевна? не правда-ли не на долго *(уходитъ)*.
Вереницына запираетъ дверь въ перегородку задвижкой).

Парапа *(за средними дверьми звонитъ)*. Это я. Отворите,
вы дома Александра Васильевна?

Вереницына. Голосъ Параши; входи, дверь не заперта (снимаетъ маску).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Вереницына, Параша очень нарядно одѣта, но бальному, въ обширномъ кринолинѣ; Милорѣцкій въ своей комнатѣ.

Вереницына. Что это матушка ты такимъ павлиномъ раздулась. Ну, натанцовалась-ли?

Параша. Ахъ сударыня, такъ было весело, что и пересказать не могу, угощеніе было чудесное. Вамъ кажется великъ мой кринолинъ, но такія-ли были на свадебномъ балѣ. Мой туалетъ съ послѣдней модной картинки, и это благодаря молодой Людмилѣ Ильиничнѣ: какъ? говоритъ, душенька Параша, ты будешь безъ кринолина на вечерѣ? да тебя всѣ осмѣютъ, нынче вся сила наряда въ кринолинѣ, чѣмъ онъ пышнѣе, тѣмъ дама больше комъ иль фо. Вотъ она и нарядила меня въ свой кринолинъ, сама мнѣ уладила его, и по милости ея, это у меня платье, аля помпадуръ, да, не прогнѣвайтесь изъ лучшаго магазина. Вотъ что значить старые друзья, вотъ что значить одѣться къ лицу: такъ была я авантюжна, что чиновники съ крестами вальсировали со мною, да еще два военныхъ офицера, ахъ, еслибъ вы знали, Александра Васильевна, какіе любезные эти офицеры! просто не отходили отъ меня, все говорили о петербургской погодѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, о подземныхъ трубахъ, которыя проводятъ по улицамъ для воды. Ну право такіе все умные разговоры.

Вереницына. Очень рада за тебя, что ты повеселилась, ты устала, душенька, отдохни, прилягъ здѣсь на диванѣ.

Параша. Не беспокойтесь, я вовсе не чувствую усталости, хоть-бы опять танцовать; мнѣ надобно кой что приготовить; у васъ здѣсь такъ свѣтло; вы видно кого-нибудь принимали.

Вереницына. Да, вообрази, какая нечаянность, былъ у меня здѣсь одинъ молодой человѣкъ, который самъ не знаетъ какъ попалъ сюда; и кажется мнѣ, что гдѣ-то я его прежде видала, лицо мнѣ его очень знакомо.

Параша. Вотъ какъ, сударыня, вы дѣлаете новыя знакомства, и можетъ быть побѣды на перепутьѣ.

Вереницына. Да что-жъ тутъ удивительнаго: я свободна совершенно въ моемъ положеніи, вѣдь еще будетъ довольно время мнѣ скучать въ саратовской степи, куда я ѣду по настоянію моей тетки, чтобъ окончить раздѣлъ имѣнія и межеванье съ сосѣдями. Какъ я подумаю, какъ скучно одиночество! Странное мое положеніе: я вдова, ну, что-жъ такое? въ двадцать два года, не могу-же я отказаться отъ свѣта и быть затворницей.

Параша. Вы справедливо судите, хорошо-бы вамъ пожить въ Петербургѣ, сударыня.

Вереницына (не слушая ее). Я все думаю объ этомъ господинѣ: отъ нечего дѣлать. Помню я, что тетка моя, еще при жизни моего покойнаго мужа, безпрестанно говорила мнѣ, о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, дальнемъ родственникѣ Вереницына, Фарнѣнти, который пристрастился къ путешествіямъ, много проигралъ денегъ въ Висбаденѣ въ рулетку, влюблялся безпрестанно, и уѣхалъ изъ Петербурга на жительство въ деревню, изъ ума исчезла у меня его фамилія, а все, что я слышала отъ гостя, который давеча былъ у меня, очень мнѣ напомнило того господина.

Милорѣц. (въ своей комнатѣ, ходитъ взадъ и впередъ, потомъ садится). Странно все это! Она надѣла мою маску и интриговала меня цѣлыхъ полчаса, и добивалась непременно узнать мою фамилію...

ПАРАША (вынимаетъ воротничекъ изъ кардонки и принимается за работу, съѣзъ на диванѣ). По всему видно сударыня, что онъ васъ заинтересовалъ, я говорю о томъ молодомъ человѣкѣ, который безъ меня, былъ у васъ съ визитомъ (начинаетъ зѣвать, дремлетъ и засыпаетъ, склонясь на локотникъ дивана).

Вереницына. Какъ-бы ни было, я узнаю его имя. Кажется ужъ поздно (смотритъ на часы). Одинадцать часовъ (гаситъ лампу; на сценѣ полусвѣтъ). Надобно окончить интересное «Дворянское гнѣздо» (беретъ книгу).

ПАРАША (во снѣ говоритъ съ разстановкой). Узнаетъ короче и дѣло сладится... Что такое? Кадриль Лансъ? мерси мосье я ужъ ангажирована (тихіе звуки вальса).

Милорѣц. Она сказала, что уѣдетъ навсегда, не давъ себя видѣть. Это ни на что не похоже.

Вереницына (смотритъ на Парашу). Она уснула и думаетъ бѣдная во снѣ, что все еще она на балѣ (снимаетъ съ себя мантилью и прикрываетъ ею Парашу).

Милорѣц. Я хочу ее видѣть и увижу непременно (подходитъ къ окну и отворяетъ его). Это окно выходитъ на галерею. Здѣсь она должна проходить.

Вереницына. Желала-бы я только увѣриться... не тотъ-ли это молодой человѣкъ, родственникъ покойнаго Вереницына, котораго фамилія вертится у меня на языкѣ, никакъ не могу вспомнить.

Милорѣц. Соиду внизъ и возвращусь по другой лѣстницѣ, войду прямо въ ея комнату, не звонивши, какъ-бы невзначай (выходитъ въ среднія двери).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Вереницына и Милорѣцкій.

Вереницына. Кто-то идетъ по корридору. Это долженъ быть онъ... онъ выходитъ изъ своей комнаты. Еслибъ я могла быть увѣрена?... (подходитъ къ дверямъ перекорочки) Милостивый государь!... не отвѣчаетъ; видно его нѣтъ. Чего-же мнѣ бояться? (отодвигаетъ осторожно задвижку, отворяетъ тихо дверь вполтину и заглядываетъ въ нее боязливо). Никого нѣтъ (выходитъ въ комнату съ лѣвой стороны, проходитъ робко и прислушивается у среднихъ дверей, въ это время Милорѣцкій появляется въ комнатѣ съ правой стороны, онъ осматривается все кругомъ съ осторожностью).

Милорѣц. (вполноса). Это здѣсь!.. Вотъ счастливая минута!.. Она спитъ!... (беретъ свѣчу и всматривается въ Парашу, отступаетъ назадъ, дѣлаетъ знакъ удивленія, и подходитъ вторично къ дивану, ставитъ потомъ стремительно свѣчу на столъ и отходитъ къ дверямъ). Я ее видѣлъ, разглядѣлъ, очень близко (вздыхаетъ). Вотъ что значить иллюзія! Вотъ онъ маскерадъ! обворожительный,—это почти всегда такъ бываетъ (вздыхаетъ глубоко еще разъ и уходитъ).

Вереницына (приближается къ дивану, на которомъ лежитъ дорожній мѣшокъ Милорѣцкаго). А, кстати, здѣсь весь его багажъ. Посмотримъ, чего-же лучше надпись (разсматривая дорожній мѣшокъ, и читаетъ надпись). Платонъ Александровичъ Милорѣцкій!.. Такъ Милорѣцкій, точно, это онъ, я теперь вспомнила, о немъ покойный Вереницынъ и тетка моя, очень часто мнѣ говорили, я его знаю давно, по настышкѣ, да и давишее письмо, съ которымъ я познакомилась, достаточно объяснило мнѣ его характеръ (она поспѣшно уходитъ въ свою комнату, запираетъ за собой дверь и остается нѣкоторое время съ смущеніемъ). Ахъ! отъ чего я такъ встревожена? надобно признаться, что онъ очень недуренъ, хоть и

отъ нечего дѣлать. Параша все еще спитъ... *(въ размышленіи)*; да, точно, надобно дѣло привести къ концу *(слушаетъ у двери перегородки)*. Онь пришолъ. Милостивый государь!

Милоръц. Тотъ-же давишій прелестный голосъ.

Вереницына. Государь мой.

Милоръц. Я разбудилъ ее! *(громко)* Милостивая государыня!

Вереницына. Я-бы желала объясниться съ вами.

Милоръц. Очень готовъ васъ выслушать, сударыня. *(восторженно)* какъ эта маска вдругъ перемѣнила тонъ. За часъ, передъ этимъ, не хотѣла мнѣ показать своего лица. Поддержимъ-же свое достоинство! Гм! посмотримъ! Теперь какъ я увидалъ ее, сама навязывается.

Вереницына. Вы меня извините, что безпокою васъ, но есть дѣло важное, которое заставляетъ меня къ вамъ обратиться, оно касается наслѣдства.

Милоръц. Что вы говорите? наслѣдства? какъ? мнѣ наслѣдства? превосходно! Я вамъ покорный слуга; сейчасъ буду имѣть честь явиться. *(про себя)* Откуда это Богъ мнѣ посылаетъ? *(уходитъ въ среднюю дверь.)*

Параша *(просыпается)*. Извините, я не танцую!... *(опять смыкаетъ глаза. Она протираетъ глаза)*. Какой прекрасный балъ! Кажется я уснула *(встаетъ)*. А вы, Александра Васильевна, вы кажется совсѣмъ не ложились?

Красноп. *(въ пьяномъ состояніи, въ дверяхъ комнаты съ правой стороны)*. Приказано мнѣ узнать можетъ-ли васъ видѣть вашъ мужъ?

Параша *(смыется)*. Что это онъ тамъ вретъ?

Красноп. Вамъ кажется, что я пьянъ. анъ нѣтъ, я вотъ видите свадьбу справляю.

Вереницына. Мой мужъ? да, въ своемъ-ли ты умѣ? онъ давно умеръ. А, понимаю. Но кто-бы ни былъ проси. Параша! дай мнѣ мою мантилью и вуаль и выдь на минуту *(надѣваетъ мантилью и накрывается темнымъ вуалемъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Вереницына и Милоръцкій.

Милоръц. *(подходитъ съ робостію)*. Милостивая государыня? Вы желали...

Вереницына. Мнѣ есть особая надобность говорить съ вами *(поднимаетъ вуаль)*.

Милоръц. *(отсутствуетъ назадъ)*. Что это? не сонъ-ли? совсѣмъ не та.

Вереницына. Мол фамилія можетъ быть вамъ извѣстна: Александра Васильевна Вереницына.

Милоръц. Вереницына? Возможно-ли? Тотъ Вереницынъ, который года три назадъ женился въ Петербургѣ: Федоръ Сергѣевичъ? и увезъ свою жену молодинькую, въ Саратовъ.

Вереницына. Тотъ самый, который уже два года какъ переселился въ вѣчность, вамъ онъ былъ близко свой, Платонъ Александровичъ, я его вдова, и имѣю вамъ сообщить, что послѣ него вы ближайшій наслѣдникъ его родоваго имѣнія, онъ умеръ бездѣтенъ и послѣ него вы получаете двѣ тысячи десятинъ земли въ одномъ изъ лучшихъ уѣздовъ саратовской губерніи. Я не имѣла удовольствія васъ знать до сихъ поръ.... очень много объ васъ наслышана.

Милоръц. Неудивительно, я два года провелъ за границей; вы безъ меня вышли за мужъ, безъ меня овдовѣли, я только по перепискѣ зналъ васъ. *(Восторженно)* Двѣ тысячи земли! хорошее дѣло! *(ей)* Мой дядя Вереницынъ, дай Богъ царство ему небесное! мнѣ доводился внучатный, но онъ любилъ меня,

правда, я погрѣшилъ передъ нимъ, въ одномъ случаѣ, спустилъ много денегъ въ рулетку, ну, да какъ быть: былъ молодцу неукора! Но скажите, многоуважаемая тетинька, какъ вы узнали мое имя?

Вереницына. Я заглянула туда, отъ нечего дѣлать, украдкою, и узнала ваше имя.

Милоръц. А я, представьте, тихонько пробрался сюда и вижу, что кто-то уснулъ на диванѣ.

Вереницына *(смыется)*. Вы приняли за меня мою горничную *(смыется)*. Ну, Платонъ Александровичъ, теперь все объяснилось. Позвольте васъ спросить, какъ вы располагаете: опять ѣхать за границу, покупать виллу въ Женевѣ, такъ какъ вы теперь имѣете средства, или же вы поѣдете въ Смоленскъ къ вашей матушкѣ?

Милоръц. *(въ оживленіи)*. За границу! Въ Смоленскъ?... Нѣтъ теперь я никуда не поѣду. Еслибъ я столько былъ счастливъ, Александра Васильевна, чтобы могъ, при теперешнемъ вашемъ независимомъ положеніи...

Вереницына. Ну что? договаривайте...

Милоръц. Получивъ чрезъ васъ извѣщеніе о наслѣдствѣ родовомъ, если-бы могъ соединить его съ вашимъ благопріобрѣтеннымъ, я-бы всю жизнь мою посвятилъ на то, чтобъ сдѣлаться васъ достойнымъ.

Вереницына. Знаете, теперь уже поздно, время ко сну, разойдемтесь по своимъ комнатамъ, а завтра мы подумаемъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же, Параша и Краснопѣцовъ.

Параша. Справедливо-ли сударыня, что вы завтра не ѣдите въ Москву.

Вереницына. А ты какъ-бы желала Параша?

Параша. Ужъ разумѣется погостить подолѣе въ Петербургѣ.

Красноп. А я вотъ просто загадаю *(разводитъ руки и даетъ пальцами)*.

Вереницына. Да о чемъ ты ворожишь, любезный другъ.

Красноп. Такъ ни о чемъ. Я вѣдь, сударыня, старый отгадчикъ, весь вашъ романъ смекнулъ, быть въ нашей гостинницѣ, Наполеонъ Бокенъ, и другой свадьбѣ.

Вереницына. Утро вечера мудренѣе. Это можно сказать экспромптъ: отъ нечего дѣлать!

ФИНАЛЬНЫЙ КУПЛЕТЪ.

Отъ нечего дѣлать, нашъ авторъ списалъ

Пьесу съ французской комической шутки,

Не ждешь онъ ни браво, ни лестныхъ похвалъ

Надъ ней онъ трудился всего трои сутки;

Пьеса быть можетъ — ничтожна, скучна,

И нѣтъ въ ней ни мысли, ни тѣни разсудка,

Но первая-ль въ этомъ здѣсь родъ она?

Отъ нечего дѣлать, вѣдь это лишь шутка.

Глюкъ и Пиччини и ихъ приверженцы.

Эпизодъ изъ исторіи Большой Парижской Оперы 1780—1790 г.

Пиччини было не менѣе пятидесяти пяти лѣтъ, когда онъ, по приглашенію своихъ французскихъ поклонниковъ, оставилъ Неаполь для Парижа. Это былъ человѣкъ маленький, жиденькій, блѣдный, одаренный одною изъ тѣхъ впечатлительныхъ

организаций, которая, кажется, созданы исключительно для сильного чувства, для минутного наслаждения и продолжительных страданий. Едва устроившись на скорую руку в Париж, он стал мечтать уже, как-бы осуществить надежды друзей, его призвавших. Сочинение партитуры не могло его утешить: идеи этого легкого гения лились на бумагу, но мѣръ того, какъ онѣ рождались въ его головѣ; но онѣ не знали ни слова по-французски. Мармонтель, отдавший ему своего *Роланда*, передѣланнаго нарочно изъ пяти актовъ въ три, долженъ былъ написать для него подстрочный переводъ. Такимъ образомъ, бывъ сначала поэтомъ Пиччини, онъ потомъ сдѣлался его лексикономъ. Благодаря ему, композиторъ *Чеккине* могъ наконецъ приняться за трудъ. Глюкъ былъ тогда въ Германіи и съ своей стороны трудился надъ тѣмъ же самымъ сюжетомъ. Трудно описать бѣшенство, овладѣвшее имъ, когда онъ узналъ, что королевская музыкальная академія получила уже другую партитуру *Роланда*. Гнѣвъ свой онъ излил въ письмѣ, которое потомъ напечаталъ, гдѣ онъ выражается безъ всякой умѣренности о своемъ соперникѣ и о маркизѣ Карраціоли, предводителѣ итальянской *кабалы*. Нужно согласиться, что этотъ случай, котораго впрочемъ не легко было избѣжать, способствовалъ къ усиленію ненависти и безъ того уже раздраженныхъ партій, сгруппировавшихся вокругъ того и другаго знамени. Эпиграммы, бѣдныя насмѣшки, сарказмы посыпались съ обѣихъ сторонъ, прежде даже чѣмъ первое представленіе подало поводъ къ этой страшной ссорѣ.

— Знаете-ли вы, что Глюкъ возвращается къ намъ съ музыкой *Армиды* и *Роланда* въ портфель?

— *Роланда*? Но Пиччини уже работаетъ надъ этимъ сюжетомъ.

— Прекрасно! тѣмъ лучше! мы будемъ имѣть *Orlando* и *Orlandino*.

Орландино была плохая поэма, которую также было неудобно сравнивать съ *Роландомъ* Аріосто, какъ Энеиду Скаррона съ Энеидой Вирилія. Эта игра словъ принадлежала аббату Арно, страстному поклоннику Глюка, и павлекла на него сильное негодованіе со стороны Мармонтеля, выразившаго его на вечерѣ у г. де-Вена, салонъ коего сдѣлался мѣстомъ свалки: эпитетъ «глупецъ» былъ уже произнесенъ, но такъ какъ аббата не называли по имени, то онъ и могъ сохранить инкогнито.

Мармонтель не былъ, впрочемъ, нисколько ни воздержанъ, ни спокоенъ своихъ противниковъ. Въ одинъ вечеръ, давали *Альцесту*; главную роль исполняла мадмуазель Лавайеръ. При окончаніи втораго акта антриса произносили слѣдующіе стихи:

«Онъ мнѣ терзаетъ и вырываетъ мое сердце!»

Тогда академикъ говоритъ довольно громко, чтобы быть услышаннымъ большинствомъ зрителей:

— Ахъ! мадмуазель, вы терзаете мои уши.

— Ахъ! сударь, какое счастье было-бы, если бы вы замѣнили ихъ другими, отвѣчалъ сосѣдъ его.

Сосѣдъ этотъ былъ аббатъ Арно.

Два враждебные стана, какъ настоящія арміи, имѣли каждый своихъ предводителей. На сторонѣ Пиччини были всѣ знаменитости литературы: Лагарпъ, Мармонтель, д'Аламбертъ, Фраири, кавалеръ де-Шастелю; Глюкъ могъ противопоставить имъ только Сюарда и аббата Арно. Но за то, эти два человека наносили чувствительные удары своимъ антагонистамъ. Въ особенности Сюардъ, писавшій долгое время подъ таинственнымъ псевдонимомъ *Анонима изъ Вождира*, дѣлалъ

чудеса и собиралъ кругомъ себя насмѣшниковъ своей партіи. Лагарпъ, опираясь на свой титулъ писателя, нерѣдко позволялъ себѣ впадать въ страшные промахи, коими ловко пользовался коварный анонимъ. Но нужно было-бы исписать цѣлыя томы для того, чтобы только исчислить названія разныхъ полемическихъ статей, увидѣвшихъ тогда впервые свѣтъ, и благодаря Бога, ничто насъ не принуждаетъ взяться за эту тяжелую работу, да и читатель, вѣроятно, не слишкомъ-бы остался ею доволенъ. Притомъ-же и съ эти толки, споры и мнѣнія могутъ быть опредѣлены слѣдующимъ образомъ, такъ какъ всегда неизбѣжно приводили къ однимъ и тѣмъ-же заключеніямъ.

Глюкисты говорили, что Пиччини умѣетъ только писать концертную музыку.

Пиччинисты, въ свою очередь, отказывали въ мелодіи Глюку, безспорно имѣвшему надъ своимъ соперникомъ огромную выгоду въ томъ, что онъ гораздо болѣе дѣлалъ шума.

Думали охарактеризовать музыку двухъ композиторовъ однимъ словомъ: говорили, что Глюкъ живетъ въ улицѣ *Большаго крикуна* (rue du Grand-Hurleur) Пиччини въ улицѣ *Тихихъ пѣсенъ* (rue des Petits-Champs; champs — поле и chant — пѣсня, отсюда каламбуръ); что касается до Мармонтеля, что для него назначали квартиру въ улицѣ *Дурныхъ словъ* (rue des Mauvaises paroles) это не было язвительно, такъ какъ три улицы эти существовали тогда въ Парижѣ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Глюкъ, по возвращеніи изъ Германіи, далъ первое представленіе своей оперы *Армида*. Опера могла быть хороша или дурна бѣтъ различія, это нисколько не могло измѣнить ни энтузіазма однихъ, ни дурнаго сужденія другихъ. Лагарпъ сказалъ, что онъ предпочитаетъ ей *Орфея*; конечно онъ не думалъ тогда о томъ, чѣмъ рискуетъ, выражаясь такъ объ *Армидѣ*. Глюкъ отозвался объ немъ въ *Journal de Paris* съ пренебреженіемъ и даже оскорбительно. Потомъ появились статьи *Анонима изъ Вождира*, потомъ письма, писанныя къ г. *Лагарпу серомъ де Гобемущемъ*; потомъ письма къ *Лагарпу* нѣкоторой приходской змѣи, письма одной дамы къ *Лагарпу* и такъ далѣе, до бесконечности. А сколько еще эпиграммъ!...

Приверженцы Пиччини отказывали въ мелодіи, въ нѣжной страсти Глюку, главные достоинства котораго дѣйствительно заключаются въ сильныхъ, энергическихъ движеніяхъ души. Впрочемъ первая сцена *Армиды* — верхъ совершенства относительно граціи и чувствительности.

— Если я буду осужденъ, имѣлъ привычку говорить онъ, то конечно за то, что написалъ сцену *Армиды*.

Всѣ противорѣчія послужили только къ большому успѣху оперы. Тѣмъ скорѣе Пиччини долженъ былъ опасаться не выйти побѣдителемъ изъ борьбы. Его *Роландъ* репетировался. Но эти репетиціи были только настоящимъ наказаніемъ для бѣднаго композитора, сравнивавшаго парижское исполненіе съ исполненіемъ заальпійскимъ и отчаявшася уже въ надеждѣ на успѣхъ. Оркестръ, повиновавшійся могущественному взгляду Глюка, нисколько не слушался Пиччини.

— Покажите имъ истинный смыслъ этой аріи, говорилъ ему Мармонтель, съ трудомъ удерживая свои порывы.

Но Пиччини довольствовался только тѣмъ, что поднявъ руки и глаза къ небу, громко вздыхалъ и шепталъ:

— Ахъ! все идетъ дурно, все.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №-рѣ)

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. СТЕЛЛОВСКАГО

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КАМАРИНСКАЯ,

фантазія для оркестра, на темы двухъ русскихъ пѣсень: свадебной и плясовой,

ОЧИНЕНІЕ

М. И. ГЛИНКИ.

Новое изданіе въ партитурѣ для полнаго оркестра 3 р. сер.

Въ ономъ же магазинѣ можно получить *Камаринскую*, аранжированную для фортепьяно въ двѣ руки по 1 р. сер. и въ четыре руки по 1 р. 15 к. сер. за экземпляръ. Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

ШИДЛЕРЪ,

краткій очеркъ его жизни и произведеній.

составлено по

ВЕЙЛЮ.

Цѣна 60 коп. сер.

ХОЛОСТЯКЪ,

комедія въ трехъ дѣйствіяхъ,

И. С. Тургенева,

напечатанная въ томъ видѣ, какъ она дается на сценахъ Императорскихъ театровъ.

Цѣна 50 к. с.

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ,

фантастическая комедія

ШЕКСПИРА,

переводъ *Ан. Григорьева.*

Съ предисловіемъ и примѣчаніями.

Цѣна 60 к. с.

ЛЮБОВНЫЙ НАПИТОКЪ,

водевиль въ одномъ дѣйствіи.

А. Баженова.

Цѣна 40 к. сер.

Гг. иногородные прилагаютъ за пересылку каждой книги за 1 фунтъ.

МАЗЕПА,

поэма

БАЙРОНА.

Переводъ *И. Голіева.*

Цѣна 30 к. сер.

КОРОЛЬ ЛИРЪ,

трагедія въ пяти дѣйствіяхъ,

ШЕКСПИРА,

переводъ *А. Дружинина*, съ примѣчаніями и объясненіями.

Цѣна 1 руб. сер.

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА,

оригинальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ,

И. ЧЕРНЫШЕВА.

(Автора комедіи: «Не въ деньгахъ счастье»).

Цѣна 75 к. сер.

МИНУТНОЕ ЗАБЛУЖДЕНІЕ,

комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ,

Н. Куликова.

Цѣна 75 коп. сер.